DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.079

УДК 316.77 + 342.4(470) + 32.019.5 + 821.161.1.09

Р. М. Николаев**Е. А. Попов**

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ В СССР И ПРАКТИКИ КОММЕМОРАЦИИ В СТАЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена специфике использования коммеморативных практик в советской культуре 1930–1950-х гг. На примере пушкинского юбилея 1937 г. и гоголевского юбилея 1952 г. показан коммеморативный (апроприативный) механизм, обеспечивший присвоение советской культурой ряда ярких культурных деятелей предшествующего периода. Таким образом, знаковые деятели русской культуры XIX в. оказались знаковой частью новой советской культуры, элементом ее символического капитала.

К л ю ч е в ы е с л о в а: практики коммеморации; сталинская культура; Пушкин; Гоголь; русская литература XIX в.

В современных гуманитарных исследованиях все более важное место занимают штудии, связанные с изучением коллективной памяти в различных ее модусах, в том числе применительно к тому, как в конкретных культурах функционируют разнообразные практики и техники памятования и (что не менее важно) забвения [Ассман А.]. Алейда Ассман, вслед за своим супругом, египтологом Яном Ассманом, поднимает проблематику культурной памяти, понимаемую как специфическую для каждой культуры форму передачи и *осовременивания* (курсив наш. — Р. Н., Е. П.) культурных смыслов [Ассман Я.]. В связи с необходимостью такого «осовременивания» чрезвычайно большое значение приобретает «политика памяти», в рамках которой посредством так называемых «коммеморативных практик» осуществляется апроприация (присвоение) памяти о прошлом, чаще всего в интересах властных или других обладающих влиянием в культуре и социуме агентов.

Еще предшественники Ассманов (М. Хальбвакс, П. Нора и др.) под коммеморацией в самом общем виде понимали сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого. Следовательно, под коммеморативными практиками имелся в виду предполагаемый набор способов, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом. А Патрик Х. Хаттон прямо определяет политику коммеморации как «идентификацию и описание тех событий, идей или личностей прежнего времени, которые избираются посредниками власти для хранения в памяти» [Хаттон].

НИКОЛАЕВ Роман Михайлович — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: r_nik81@mail.ru). ORCID: 0000-0003-0147-8295

ПОПОВ Евгений Анатольевич — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и дизайна Уральского федерального университета (e-mail: popow.ea@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-1540-5233

© Николаев Р. М., Попов Е. А., 2021

Коммеморативные практики, как это показано Яном Ассманом в упомянутой книге, применялись еще в глубокой древности. Их роль и значение в современности, как мы это видим на примере разыгрывающихся сегодня «войн памяти» (оценка или переоценка начала, хода и итогов Второй мировой войны; память и историческая политика, применяемая для построения новых национальных идентичностей, и т. д.), трудно переоценить. Очевидно, всякий исторический тип культуры, так или иначе, с теми или иными целями, прибегал к использованию коммеморации и коммеморативных практик. Это верно и по отношению к так называемой сталинской культуре, т. е. советской культуре 1930-х — первой половины 1950-х гг.

Исторический цикл существования Советского государства оказался не слишком длинным по меркам «истории большой длительности» (Ф. Бродель) — всего 70 с небольшим лет, что можно сопоставить лишь со временем жизни отдельного человека. Однако и внутри этого относительного небольшого периода можно выделить целый ряд этапов, качественно отличающихся один от другого. Следуя за интеллектуальным бестселлером Владимира Паперного [Паперный], можно представить историю советской культуры как время драматической борьбы сменяющих друг друга культурных парадигм или идеализированных моделей («идеальных типов», по Максус Веберу), названных российско-американским исследователем соответственно культурой 1 и культурой 2. Под культурой 1 в терминологии Паперного понимается революционная романтика 1920-х гг. (и в каком-то смысле короткая интерлюдия «оттепели»), под культурой 2 — консервативный неоклассицизм сталинизма (а также — в трагифарсовом облики — позднесоветская культура периода стагнации).

Для культуры 2, в числе прочего, типична ориентация на строгую иерархию во всех областях общественной и культурной жизни. Такая же иерархия сложилась в том, что касалось мира искусств. Первое место в этой иерархии занимала литература. Конечно, русская культура, начиная с эпохи Нового времени, характеризовалась как «литературоцентричная», достигнув апогея своей «литературоцентричности» в XIX в. Однако в первые послереволюционные годы неожиданно была сделана попытка выдвинуть на первый план визуальные искусства — здесь можно вспомнить и известные ленинские слова о кино как «важнейшем из искусств», и потуги деятелей авангарда, представлявших главным образом живопись, архитектуру и дизайн, занять «командные высоты» в советской культуре, чтобы решающим образом влиять на культурную политику молодой советской власти. В начале 30-х гг. литература вернула себе лидирующие позиции.

«На совершенно исключительное значение литературы в культуре 2, — пишет Паперный, — указывает, в частности, тот размах, с которым празднуется 100-летие со дня смерти Пушкина. Комиссия по проведению торжеств была создана уже в 1935 г., в нее входило 50 человек, среди которых практически все известные писатели (Горький, Толстой, Фадеев, Айни и др.), несколько деятелей театра (Немирович-Данченко, Мейерхольд — еще не опальный и др.), ряд академиков (полуопальный Бухарин, Карпинский и др.), несколько членов правительства (Ворошилов, Булганин, Чубарь — еще не опальный и др.). Постановление ЦИК

об учреждении этой комиссии называет Пушкина “великим русским поэтом, создателем литературного языка и родоначальником новой русской литературы... обогатившим человечество бессмертными произведениями художественного слова...”. Ни один художник кисти, резца или смычка в культуре 2 таких почестей не удостоивался. Пушкинский юбилей несет в себе и дополнительную семантику: это скрытая полемика с теми, кто некогда мечтал “бросить Пушкина с корабля современности”» [Паперный, с. 223]. В последнем пассаже Паперный имеет в виду авторов еще дореволюционного манифеста «Пощечина общественному вкусу» — представителей футуристической поэзии и живописи, левых ультрареволюционеров, не пришедшихся ко двору в формирующейся сталинской культуре, консервативной и традиционалистской по духу, несмотря на сохраняющуюся революционную риторику.

Действительно, с утверждениями Паперного относительно беспрецедентности пушкинских торжеств нельзя не согласиться. Юбилей с несколько некрофильским оттенком (характерно, что годовщина *смерти* Пушкина прилась на 1937-й — год, ставший символом массового террора, когда, согласно оценкам комиссии Поспелова¹, только по политическим обвинениям было расстреляно более 600 тыс. человек) позволил создать советизированный культ поэта, чей образ был апроприрован (присвоен) властью и инкорпорирован в тело сталинской культуры.

Важность символической фигуры Пушкина осознавалась русской культурой, разумеется, с давних пор. Уже знаменитый афоризм Аполлона Григорьева — «Пушкин — это наше всё» — манифестировал превращение образа великого поэта в универсальный символ отечественной культуры. Венцом дореволюционного прославления поэта стали Пушкинские торжества 1880 г., оставшиеся в истории не в последнюю очередь благодаря речи Достоевского, где тот со свойственных ему мессианистских позиций рассуждал о «всемирной отзывчивости» русского гения.

В то же самое время и царские власти приложили немало усилий для того, чтобы апроприровать образ Пушкина. В официальном нарративе поэт изображался в качестве верного слуги Престола и Отечества, чьим личным покровителем был сам Государь, после нелепой трагической гибели национального гения лично взявший на себя заботу о его осиротевшем семействе. В этом нарративе Пушкин рассматривался прежде всего как автор таких патриотических (если не «верноподданныхческих») произведений, как «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России». О ранних тираноборческих стихах, вроде оды «Вольность» или стихотворения «Кинжал», о тесных дружеских связях Пушкина со многими будущими декабристами старались не вспоминать.

Поэтому тем более шокирующими в 1912 г. выглядели упомянутые попытки русского авангарда «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности» [Бурлюк, Маяковский, с. 399]. Авангард стремился к новаторству, говоря семиотическим языком, не только в области синтактики

¹ Комиссия Поспелова — комиссия по расследованию причин массовых репрессий во главе с секретарем ЦК КПСС П. Н. Поспеловым. Работала в 1955–1956 гг. в рамках подготовки доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях».

и семантики, но и в области прагматики [Руднев], т. е. к радикальному переустройству не только искусства, но и самой жизни. Поэтому авангард был подлинно революционным искусством, предвосхитившим в 1910-е гг. культуру 1 двадцатых годов. Для этой культуры Пушкин был символом старой, отжившей, а на вульгарно-социологическом «пролеткультовском» жаргоне — «дворянской», «буржуазно-помещичьей» культуры.

Характерный (и забавный) эпизод приводит Соломон Волков: «Как известно, когда Ленин 25 февраля 1921 г. встретился с группой московских студентов-художников, то спросил их: “Что вы читаете? Пушкина читаете?” — “О нет, — ответили они ему, — он был ведь буржуй. Мы — Маяковского”» [Волков, с. 123]. В этих простовато-наивных словах молодых людей — вся суть революционной романтики 20-х, пытавшейся буквально следовать словам коммунистического гимна: *«Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...»*. Пушкин тогда оsezнавался как часть этого «мира насилья».

За 10 лет многое изменилось. Среди прочего, сталинская культура 2 репресировала «левое искусство» революционного авангарда, объявив единственно верным художественный стиль и метод «социалистического реализма». Это довольно аморфное понятие, однако, недвусмысленно указывало на преемственность советской литературы и искусства по отношению к так называемому критическому реализму XIX в.

Консервативная культура особенным образом нуждается в опоре на традиции и в том числе на классическое культурное наследие, составляющее ее символический капитал. Пренебрегать таким символическим капиталом, который представляла классическая русская литература XIX в., сталинская культура не могла. Вместе с тем она не могла оставить революционную риторику, под аккомпанемент которой начал и продолжал осуществляться советский проект, претендовавший на исключительное всемирно-историческое значение. Аккумуляция символического капитала, таким образом, производилась путем своеобразной «советизации» образов ключевых фигур русской классики, прежде всего писателей, а среди них — Пушкина как писателя № 1 и символа национальной культуры.

Одним из инструментов такой «советизации» стали коммеморативные практики, т. е. практики коммеморации как «припоминания», когда «припоминается» то, и только то, что необходимо для осуществления механизма апроприации действующей властью того или иного деятеля культуры прошлого.

Приведем характерный образчик из статьи-обзора торжественных юбилейных мероприятий: «Вечером 10 февраля в Москве в Большом театре СССР состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня смерти Пушкина. <...> Вступительную речь произносит председатель Всесоюзного пушкинского комитета народный комиссар просвещения РСФСР тов. Бубнов. “100 лет назад, — говорит он, — наша страна, только вступившая на путь формирования национальной русской литературы, понесла утрату, значение и тяжесть которой можем оценить только мы — люди сталинской эпохи, строители социализма, рабочие, колхозники и трудовая интеллигенция. <...> Пушкин наш! — восклицает т. Бубнов. — Только в стране социалистической культуры окружено горячей

любовью имя бессмертного гения, только в нашей стране творчество Пушкина стало всенародным достоянием. Пушкин принадлежит тем, кто под руководством Ленина и Сталина построил социалистическое общество, он принадлежит народам СССР, которые под великим знаменем Ленина — Сталина идут к коммунизму» [Александров, с. 492–493].

Экстатическое восклицание наркома (арестованного в октябре текущего года, а в августе следующего — 1938 г. — расстрелянного) «Пушкин — наш!» — точное указание на всемерную апроприацию образа национального поэта сталинской культурой. В процитированном коротком отрывке из речи Бубнова имя Пушкина энергично рифмуется с именами Ленина и Сталина, закономерно выстраиваясь в один логический ряд. Наркому вторит известный литературовед, умножая когорту «бессмертных»: «Но жив Пушкин, живо его слово, живо в сердцах людей, водрузивших знамя социализма, знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина на шестой части земного шара. Скрылась тьма, взошло солнце, поэзия Пушкина стала всенародным достоянием» [Кирпотин, с. 35]. Согласно В. Кирпотину, ясно, что Пушкин, всю жизнь стоявший на народолюбивых, как минимум близких «освободительному движению» позициях, придерживавшийся материалистических и атеистических взглядов, всегда предвидел и предчувствовал — «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!» — восход солнца, оказавшегося, само собой разумеется, «солнцем Сталинской Конституции».

Такой образ «советизированного» сталинской культурой Пушкина — революционера, но одновременно и патриота, народолюбца, а вместе с тем прогрессиста — активно внедрялся в самые широкие массы. Упомянутая статья-обзор А. Александрова рисует впечатляющую картину праздничных мероприятий, прошедших на дни пушкинского юбилея. Юбилей отмечался, как рапортует автор, на заводах и в колхозах, в школах и вузах, в Красной армии и на флоте, не говоря уже о вкладе «в увековечение памяти» научной и художественно-артистической общественности.

В советском официальном нарративе, в противоположность дореволюционному официальному же нарративу, многое развернулось на сто восемьдесят градусов. Так, Николай I в нем предстает не заботливым покровителем поэта и его семьи, а коварным режиссером подлого заговора, приведшего к роковой дуэли. Факт же непринадлежности Пушкина к тайным обществам интерпретируется как желание друзей-декабристов уберечь национального гения от смертельной опасности, а не элементарным неполным доверием революционеров по отношению к чересчур ветреному и коммуникабельному молодому поэту.

В сталинской культуре, тяготеющей к идее иерархии, естественным образом утверждается канон литературных классиков. Не только Пушкин, но и другие крупнейшие русские писатели XIX в. в советской интерпретации должны были оказаться своеобразными предшественниками литературы социалистического реализма, всем своим творчеством подготовившими появление новой советской литературы. Как и в случае с Пушкиным, важную роль здесь играли юбилейные коммеморативные практики. Так, на 1941 г. было запланировано масштабное празднование столетия со дня гибели Михаила Лермонтова, успевшего занять

в национальном литературном мифе второе место среди русских поэтов после Пушкина. Однако катастрофа 22 июня сделала невозможными любые помпезные торжества. Таким образом, третьим и последним из великих русских классиков, канонизированных и присвоенных советскими властями в сталинскую эпоху, стал Николай Васильевич Гоголь, чье столетие (и тоже, разумеется, ухода из жизни) пришлось уже на 1952 г.

Подобно Пушкину, Гоголь вошел в национальный литературный пантеон задолго до 1917 г. Ближе к концу XIX в. была заложена традиция празднования гоголевских юбилеев — пятидесятилетие первой публикации «Ревизора» в 1886 г., пятидесятилетие со дня смерти писателя в 1902-м, наконец, гоголевское столетие в 1909-м. Апофеозом последнего стала установка в Москве на бульварном кольце памятника писателю работы скульптора Н. А. Андреева [Невская, с. 106–139]. В отличие от большинства отечественных классиков, Гоголя сложно было заподозрить в какой-либо оппозиционности по отношению к действующей в его время власти. Он никогда не подвергался никаким репрессиям или особым притеснениям со стороны царского режима, чем может похвастаться редкий крупный русский деятель культуры XIX столетия. В ряду отечественных культурных «звезд» позапрошлого века Гоголь может, пожалуй, претендовать на статус самого «благонадежного». Тому немало поспособствовал последний период его творчества, отмеченный такими произведениями, как «Выбранные места из переписки с друзьями» и «Размышление о Божественной литургии». На «Выбранные места...», как известно, крайне резко отреагировал в своем знаменитом Письме к Гоголю Виссарион Белинский — критик, которого советская власть, совсем не без определенных на то оснований, считала одним из предтеч «соцреалистического» направления и метода. Белинский полагал, что поздний Гоголь изменил традициям так называемой «натуральной школы», принципы которой во многом были изобретены самим критиком, а Гоголь тем же Белинским был «назначен» главой этой школы.

Именно трактовку Белинским гоголевских произведений — от петербургских повестей до «Ревизора» и «Мертвых душ» — унаследовали советская критика и литературоведение, разумеется, только вульгаризировав эту трактовку и сделав ее еще более одномерной. Иногда, впрочем, употреблялись механизмы забвения, которые (А. Ассман) в коммеморативных практиках не менее важны, чем механизмы припоминания. Так, в юбилейном полном собрании сочинений Гоголя, завершенном в 1952 г., нельзя найти «Размышление о Божественной литургии». Ни талантливый Белинский, ни его куда менее талантливые советские эпигоны не могли или не хотели понять, что «...поздний Гоголь это не какой-то другой, видоизменившийся или пошатнувшийся, автор, но в точности тот же самый, лишь открывшийся со своей оборотной, теневой стороны (либо вышедший наконец-то на свет из темноты своего прошлого творчества). Что оба антипода как нельзя удачнее уравновешивают и дополняют друг друга, складываясь в единую фабулу завершенной судьбы человека, расплатившегося при жизни — во второй половине пути — за вину (или благо) первой своей половины» [Синявский].

Гоголевский юбилей 1952 г. в СССР проходил в весьма специфических социокультурных условиях. По некоторым значительным параметрам они отличались

от тех условий, в которых пятнадцатью годами ранее в Советском Союзе праздновалось столетие смерти Пушкина. СССР начала 1950-х гг. был мировой державой, победителем во Второй мировой войне. В то же время набирала обороты «холодная война» между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Между Востоком и Западом опустился почти непроницаемый «железный занавес».

Одним из внутривнутриполитических последствий «холодной войны» в СССР стали всё усиливавшаяся «борьба с космополитизмом» и сопутствовавшая ей «борьба с низкопоклонством перед Западом». Идеология «пролетарского интернационализма» еще как-то сохранялась на уровне риторики, но уже сдавала свои позиции лозунгу о «приоритете всего русского перед иностранным», а русский народ был объявлен «старшим братом» всех остальных народов СССР. При этом в официально-государственном дискурсе на первый план выдвигалось государство. Быть советским патриотом теперь означало быть верным слугой государства, его «колесом и винтиком». Полным ходом шла «мундиризация» всей страны — в форменную одежду переодевались все, от школьников до дипломатов. Консервативная сталинская культура, о которой писал В. Паперный, переживала свой апофеоз. Любителям исторических аналогий последнее сталинское семилетие легко может напомнить «мрачное семилетие» Николая I — финал николаевского царствования, а 1952 г. — «зарифмоваться» с 1852-м.

В этой атмосфере в многочисленных юбилейных статьях, брошюрах и монографиях, посвященных Гоголю и его творчеству, личность писателя предстает в соответствующем виде. Теперь он не только сатирик, бичующий гнилую николаевскую бюрократию, но и писатель-гражданин, писатель-патриот. Разумеется, эти две гоголевские ипостаси (а других и нет) тесно связаны между собой: «Сатирическое и юмористическое разоблачение правящих классов, — писал в своей монографии, изданной в 1953 г., видный советский литературовед, — было глубоко патриотическим делом Гоголя. И он осуществлял это дело с большой проникновенностью и принципиальностью. Он служил своей родине как писатель, защищающий ее народ и ее будущее от насилия и произвола чиновников и помещиков, потерявших всякое сознание национальной и исторической ответственности. Это и привело Гоголя в передовой литературный лагерь, сделало его врагом Булгариных и Кукольников, союзником Пушкина и Белинского» [Поспелов]. Добавим, что заключительная глава цитируемой монографии носит примечательное название «Образы Гоголя в высказываниях В. И. Ленина и И. В. Сталина».

Известные слова будущего главы советского правительства Г. М. Маленкова, произнесенные на последнем сталинском съезде партии в октябре 1952 г., — «Нам нужны советские Гоголи и Щедрины, которые огнем сатиры выжигали бы из жизни все отрицательное» [Маленков, с. 73] — стали как бы эпилогом к гоголевскому юбилею. А его кульминационной точкой явилось торжественное открытие нового памятника великому русскому писателю, установленного на месте старого памятника, на Гоголевском (бывшем Пречистенском) бульваре столицы.

Работа скульптора Андреева простояла на своем месте сорок два года (еще в 1951 г. его увезли в Данилов монастырь, а затем установили во дворе Дома-музея Гоголя на Никитском бульваре). Гоголь Андреева изображен сидящим,

сгорбленным, закутанным в шинель, похожим, как говорили, «на больную птицу». Это памятник сложному трагическому гению, раздираемому внутренними противоречиями, осознанием собственного несовершенства. Возможно, мы видим Гоголя, только что уничтожившего второй том своих «Мертвых душ». Но в 1952 г. такой образ «великого русского писателя-патриота» показался неуместным. Его заменил монумент работы Н. В. Томского.

Николай Васильевич Томский ко времени установки памятника был заслуженным академиком, пять раз удостоенным Сталинской премии. «Гоголь» Томского практически сразу после смерти Сталина, очевидно санкционировавшего установку памятника, стал подвергаться обоснованной критике. Художественно он, действительно, малопримечателен — невыразительная стоящая во весь рост фигура. Надо сказать, что и сам скульптор оценивал свое творение не слишком высоко, подчеркивая необходимость работать аврально, в спешке, чтобы успеть к юбилею. Но примечательнее всего другое — надпись, нанесенная на постамент памятника. Там написано буквально следующее: «Великому русскому художнику слова Николаю Васильевичу Гоголю от Правительства Советского Союза».

В этих словах точно заложена определенная ирония. Гоголь, всю жизнь стремившийся к серьезному большому «поприщу», а в конце жизни напоминавший окружающим о важности прохождения того или иного «общественно значимого» «поприща» (взять хотя бы его письма А. О. Смирновой-Россет, когда та была калужской губернаторшей); мечтавший об академической карьере, а в юности, по-видимому, и о государственной службе, но ставший в итоге «свободным художником», пусть и не обделенным вниманием властей, теперь, посмертно, как бы рекрутировался непосредственно «Правительством Советского Союза» в разряд «передовых бойцов идеологического фронта». Но если Пушкин образца 1937 г. был по преимуществу «революционером», то Гоголь 1952 г. оказался по преимуществу «патриотом». Даже сатирическая сторона его творчества отходит на второй план. Гоголь становится прежде всего певцом знаменитой «Руси-тройки» из «Мертвых душ» (на которой едет, между прочим, прохиндей Чичиков) и заодно автором героического эпоса о борьбе «козачества» — «необыкновенного явления русской силы» против «ляхов» (Запада) и примкнувших к ним хитрых и жадных «жидов» (борьба с космополитизмом). Кстати говоря, вторая редакция «Тараса Бульбы» окончательно «русифицирует» гоголевских запорожцев. Этот тезис — об историческом единстве русских и украинцев, фактически проведенный Гоголем во второй редакции своей повести, — пришелся очень вовремя, учитывая близость очередного юбилея — 300-летия воссоединения Украины и России в 1954 г.

Практики коммеморации в сталинской культуре применялись в интересах властных агентур и имели своей целью апроприацию (присвоение) памяти о прошлом. Крупнейшие фигуры русской классической литературы и культуры, такие как А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь, благодаря особым избирательным техникам «припоминания-забвения» (коммеморации), становились как бы «союзниками» новых советских властей. Их жизнь, деятельность и творчество интерпретировались как необходимый предварительный этап на пути к победе социалистической революции, на пути к началу процесса построения нового

советского социалистического общества. Таким образом уже сформировавшаяся советская культура в ее сталинском изводе («страна победившего социализма») аккумулировала символический капитал, как бы питаясь соками по-новому интерпретируемой традиции. А новая интерпретация классической культурной традиции достигалась, в свою очередь (и в том числе), спецификой применяемых сталинской культурой коммеморативных практик.

Похожие операции по присвоению прошлого были проделаны практически со всеми более и менее видными деятелями русской культуры императорского периода. Это касалось как писателей, так и ученых, философов, а также деятелей изобразительного искусства, музыки и театра. Советской «канонизации» «удостоились» Ломоносов и Пирогов, Тургенев (несмотря на его либерализм) и Салтыков-Щедрин (несмотря на его губернаторскую службу), Глинка и Чайковский, Щепкин и Мочалов и многие-многие другие. Но пример Пушкина (в особенности) и Гоголя выглядит в этом контексте первопроходческим, а потому особенно показательным.

Александров А. Подготовка и проведение пушкинского юбилея в СССР // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М. ; Л., 1937. [Вып.] 3. С. 492–493.

Ассман А. Забвение истории — одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2019. 552 с.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.

Бурлюк Д., Маяковский В. и др. Пощечина общественному вкусу [Манифест из сборника «Пощечина общественному вкусу»] // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. : в 12 т. М., 1939–1949. Т. 1. 1939. С. 399.

Волков С. История русской культуры XX века. От Льва Толстого до Александра Солженицына. М., 2008. С. 123.

Кирпотин В. Мировоззрение Пушкина // Вестн. Акад. наук СССР. 1937. № 2–3. С. 35.

Маленков Г. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального комитета ВКП(б). М., 1952. С. 73.

Невская Д. Р. Три фазиса признания и увенчания. К истории первых юбилеев Гоголя // Новый филол. вестн. 2013. № 1 (24). С. 106–139.

Паперный В. Культура Два. М., 2006. 404 с.

Поспелов Г. Н. Творчество Н. В. Гоголя. URL: <http://n-v-gogol.ru/books/item/f00/s00/z00000005/index.shtml> (дата обращения: 28.07.2021).

Руднев В. Словарь культуры XX века. М., 1997.

Синявский А. В тени Гоголя. URL: <https://readli.net/v-teni-gogolya/> (дата обращения: 29.07.2021).

Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб., 2004. 424 с.

Статья поступила в редакцию 23.09.2021 г.